

Здесь большинство торговцев зарабатывают на нечестной копеечке, — сказал Сяо Цин. — В больницах высокая плотность населения, и если пациенту захочется чего-нибудь перекусить, неужели близкие откажутся купить? А когда навестить больного собираются несколько друзей и коллег, это место — лучший выбор.

Поэтому я больше верю в то, что у людей нет характера, — ответил я, заказывая два цзиня раков и ящик пива.

Ты прямо-таки удивительный человек, — оценил он. — Другие рассуждают о том, добрая природа человека или злая, а у тебя вон оно как: у людей нет характера.

Разве в моих словах есть изъян? — возразил я, поднимая бокал с пивом, чтобы чокнуться с ним.

Никакого изъяна, — согласился он. — Никто не может вечно оставаться абсолютно тем же самым человеком, ты абсолютно прав.

Хотя зарабатывать нечестные деньги — это паршиво, но, к счастью, мясо на гриле оказалось на редкость вкусным, и всё пришлось нам по вкусу. Мы ели, болтали и сами не заметили, как пробило двенадцать часов ночи.

Сяо Цин откинул прядь волос, упавшую мне на щеку, и спросил:

— Тебе ведь очень нравится твой маленький парень?

— Маленький парень? Ему вообще-то двадцать один год, — ответил я. — Когда офицер Сяо внезапно задает такие вопросы, это легко может натолкнуть людей на дурные мысли.

Он улыбнулся и отпустил мои волосы. Ночью поднялся ветер, и несколько брошенных где попало пластиковых пакетов закружились, подкатываясь к моим ногам. Я изо всех сил наступил на них ботинком, а Сяо Цин отправился оплачивать счет.

Он отвез меня домой на машине. В свете уличных фонарей было видно, как в воздухе кружатся мельчайшие пылинки. Этот район развивался рано, а порядок здесь наводили поздно: хотя результаты и заметны, качество воздуха всё равно оставляло желать лучшего. Я вспомнил дом в маленьком уездном городке, где каждое утро небо затянуто свинцовыми тучами и скрыто пеленой смога.

— О чем ты думаешь? — подняв голову, я встретился взглядом с глазами Сяо Цина в зеркале заднего вида и инстинктивно отвернулся: — Ни о чем, вспоминал родные края.

— Родные края? Если представится возможность, свозишь меня туда навестить их?

Я удивленно поднял голову и уставился на него:

— Офицер Сяо выражается весьма двусмысленно.

Сяо Цин замолчал и тихонько вел машину. Я думал, что он просто шутит и больше не вернет эту тему, но, когда мы приехали, он вышел из машины вместе со мной.

— Сюй Таньсун, если бы не Юэ Чжуй, ты бы влюбился в меня?

Мгновения, когда кто-то тебя любит, случаются часто, но в большинстве своем людей привлекает лишь моя внешность или талант, и раньше это доставляло мне немало хлопот. Но если бы не Юэ Чжуй...

— Да, — ответил я. — Если бы тебя не пугала абсурдность жизни, я бы влюбился в тебя.

Я повернулся и пошел прочь, в этот момент чувствуя себя бессовестным ублюдком, паршивым негодяем и подлецом.

Но разве это имеет хоть какое-то значение? Юэ Чжуй — мой парень, и чаще всего он напоминает мне тень моего младшего брата. Сяо Цин совсем другой; он, пожалуй, воплощает собой того возлюбленного, которого большинство людей ищет, чтобы прожить с ним всю жизнь.

Работа на государственной службе, бывший военный, которого, впрочем, не до конца подчиняет себе казенная система, — мягкий, внимательный.

Как ни посмотри — совершенство.

Надежды на то, что Юэ Чжуй восстановится, призрачны. В стране нет подобных технологий, и врачи советуют съездить за границу — а вдруг случится чудо? Точно так же, как Юэ Чжуй чудом не погиб тогда, повторить это чудо вполне возможно.

— Бросьте вы свои сказочки, — сказал я врачу. — Если бы чудеса случались на каждом шагу, разве нам пришлось бы ехать за границу?

В конце концов было решено сперва попробовать консервативное лечение.

Я купил Юэ Чжую лекарства, и как только он смог подниматься на ноги, привез его домой. Он не мог ходить и передвигался только на инвалидной коляске. Я катил его кресло и как раз столкнулся с офицером Сяо, который пришел попрощаться.

— Офицер Сяо, у вас, судя по всему, синекура, раз вы свободны с утра до вечера.

— Навещаю родственников потерпевших, — ответил он. — Как раз кстати, смогу подвезти вас домой.

Мне пришлось посадить Юэ Чжуня в его машину: делать было нечего — водитель погиб, автомобиль превратился в металлолом, а сам я водить не умею, так что оставалось только принять эту услугу.

Я устроил Юэ Чжуня в кабинете и вышел проводить Сяо Цина.

Мы шли рядом, в воздухе висело какое-то неестественное напряжение. Лампы в гараже излучали неприятный для глаз мертвенно-белый свет, и вскоре это странное притяжение вплотную приблизилось к моей спине.

— Сюй Таньсун, — произнес он и, прижавшись к моей спине, поцеловал в шею. Я попытался оттолкнуть его, но силы были слишком неравны, и он вжал меня в переднее пассажирское сиденье машины.

— Офицер Сяо, это же изнасилование, — с мучительным чувством я заерзал, пытаясь высвободить крепко сжатые запястья.

— А ты разве против? — спросил он.

— Офицер Сяо, вы сейчас домогаетесь согласия потерпевшего, — произнес я, положив руку на его воротник. — Вы же должны знать, что я болен, у меня не в порядке с психикой.

— Я знаю, — прошептал он, целуя и покусывая мои губы, пока его тяжелое дыхание скользило по моему носу.

Закончив, он договорился приехать за мной через два дня и уехал на машине. Я придерживал ноющие от слабости поясницу, выкурил три сигареты у вентиляционной шахты и только тогда, когда запах полностью выветрился, вошел в дом.

Юэ Чжунь сидел за столом и разглядывал рисунки, которые я создал за последние дни. Самую лучшую картину я повесил прямо по центру: на ней он лежит на больничной койке в реанимации, опутанный трубками аппарата искусственной вентиляции легких и капельниц, бледный и слабый, словно у него едва теплится жизнь.

Юэ Чжунь очень красив, даже сейчас, когда изможден до состояния кожи да костей и кажется, что его можно поднять одним легким движением. Его черты лица — самые прекрасные среди всех моделей, которых мне доводилось рисовать.

— Не смотри, — мне было больно видеть, как он любит себя в момент величайшей уязвимости. Я прижался щекой к его щеке, какое-то время нежно согревая его теплом, а затем, развернув инвалидное кресло, направился в спальню.

Я купал его, монотонно и без умолку рассказывая о том, что видел и слышал вместе с Сяо Цином, хотя он не улыбался и не поддакивал. Я взбил пену геля для душа и нанес ее на все его тело, совершенно не обращая внимания на катившиеся из его глаз слезы. Я уже говорил, что не стану презирать его: он слаб, а когда человек слаб, он должен плакать. Только выжигши слезами всю известь, скопившуюся в теле, можно возвести прочные стены.

Я крепко обнял его и тихо утешил:

— Ничего страшного, как только тебе станет лучше, мы уедем за границу. Когда ты снова сможешь бегать.

Я в очередной раз пообещал ему здоровье — к тому моменту, когда он сможет бегать, к нему вернется и дар речи.

<http://bllate.org/book/23507/2536498>